

Русский мир: учебники для высшей школы

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (1920–1940)»**

**ЛИТЕРАТУРА
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(1920–1940)**

*Учебник для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2011

УДК 811.161.1'336
ББК 81.2Рус-2-923
Л64

Учебник подготовлен в рамках проекта
«Создание учебно-методических комплексов
по русскому языку и литературе для высших учебных заведений РФ»

Редакционная коллегия:

*Б. В. Аверин, А. М. Грачева, О. Р. Демидова, Л. А. Иезуитова, А. В. Лаэров,
М. О. Рубинс, И. Н. Сухих, С. Д. Титаренко*

Л64 **Литература** русского зарубежья (1920–1940) : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Отв. ред. Б. В. Аверин, С. Д. Титаренко / Учебно-методический комплекс по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)». — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 848 с. — (Русский мир: учебники для высшей школы).

Учебник подготовлен коллективом кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета и ведущими научными сотрудниками Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН с привлечением широкого круга специалистов из России, Англии, Италии. Он посвящен изучению истории литературы русской эмиграции «первой волны» (1920–1940).

Учебник предназначен для студентов филологических факультетов высших учебных заведений в комплекте с хрестоматией-практикумом и программой курса «Литература русского зарубежья (1920–1940)». Может быть также рекомендован аспирантам и специалистам-филологам широкого профиля.

УДК 811.161.1'336
ББК 81.2Рус-2-923

*Учебник создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»*

Ответственные редакторы *Б. В. Аверин, С. Д. Титаренко*
Редактор *В. С. Кизило*
Корректор *Л. А. Макеева*
Технический редактор *Л. В. Васильева*
Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 23.06.2011.
Формат 70 × 100^{1/16}. Усл. печ. л. 67. Тираж 100 экз. Заказ № .
Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.
Отпечатано в типографии «Нестор-История».
197110, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21,
тел. (812) 622-01-23, nestor_historia@list.ru

© Коллектив авторов, 2011
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2011
© О. В. Руднева, оформление, 2011

Вячеслав Иванович Ива́нов (1866–1949)

I

О том, какое место в культуре Серебряного века занимал Вячеслав Иванович Иванов — поэт, драматург, филолог, организатор знаменитых «симпозионов» на петербургской Башне, убедительно свидетельствует восьмой выпуск «Русской литературы XX века», вышедший в 1918 году под редакцией С. А. Венгерова¹. На четырех страницах очерка Н. Бердяева «Ивановские среды» давалась краткая и яркая история петербургской Башни Вячеслава Иванова — одного из культурных центров русского символизма²; в статье Ф. Зелинского шла речь о «единственном в своем роде сочетании и примирении славянофильства и западничества, язычества и христианства, философии и поэзии, филологии и музыки, архаики и публицистики»; наконец, профессионально стремящееся к объективности и одновременно полемическое эссе А. Белого свидетельствовало о сложном пути «поэта», «философа» и «филолога»³. Три дифференцированных подхода должны были углубить и объяснить необычную творческую личность Вяч. Иванова.

В 1918 году Вяч. Иванов — автор пяти книг лирики: «Кормчие звезды» (1903), «Прозрачность» (1904), «Эрос» (1907), «Cor Ardens» (1911–1912), «Нежная тайна» (1912) и трех книг статей: «По звездам» (1909), «Борозды и межи» (1916), «Родное и вселенское» (1918). Вождь, учитель, «Вячеслав Великолепный», «ловец человеков» — так говорили о нем, иной раз с пиететом, иной — с порицанием и иронией. Поэт признавался духовным вдохновителем «младших символистов», последователей философии Вл. Соловьева, представителем религиозно-философского движения внутри русского символизма. «Теория

¹ См. переиздание: Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 2000. С. 249–279.

² См.: Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006.

³ См. также письмо А. Белого к С. А. Венгеру от 28 ноября 1917 г. (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 144, примеч. 8).

символизма сложилась так или иначе под его влиянием. Все его современники — только поэты, он же был и учителем. Если бы его не было как мыслителя, то, вероятно, русский символизм пошел бы по другому пути», — констатировал в 1920-е годы М. М. Бахтин¹.

Действительно, в теоретических сочинениях Вяч. Иванова были поставлены проблемы феноменологии творчества, «реалистического» и «идеалистического» символизма, «славянского Возрождения», эллинистических корней культуры христианской Европы, «всенародного искусства», «хорового начала» и нового «соборного» театра. Разработанная им теория символа и мифа была подхвачена не только как основа художественного творчества многими представителями Серебряного века, но и философами и богословами, например, П. А. Флоренским. Бахтинское «событие бытия», истолкование диалогизма и полифонической структуры романа Достоевского зародилось в русле идей Вяч. Иванова.

В «Переписке из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона, вышедшей в 1921 году (скоро эта книга составит ее авторам европейскую известность), мы находим такое многозначительное признание Иванова: «Я наполовину — сын земли русской, с нее однако согнанный, наполовину — чужеземец, из учеников Саиса, где забывают род и племя»². Здесь драматично и глубоко сказано о многом, в том числе главное: Россия продолжает оставаться одной из основных тем его философской мысли и творчества, хотя он понимает, что единого пространства прежней большой культуры больше не существует. Единственным возможным выходом из этого положения могла быть, по его мнению, эмиграция — «внутренняя» и «внешняя». «Внутренняя» обусловлена религиозными идеалами как основой творческих исканий и «перегруженностью» сознания культурными ценностями³, «внешняя» — неприятием политической системы тоталитарного режима. После попытки сотрудничества с новой властью (работа в Театральном отделе Наркомпроса в 1918 г. и деятельность профессора Бакинского университета) Вяч. Иванов в 1924 году эмигрирует из России.

За пределами России, в Италии, Иванов прожил 25 лет. Эмиграцией — в некотором ограниченном смысле — был уже первый отъезд его из России в 1886 году, когда он оставил Московский университет и отправился для прохождения курса наук за границу. В «Автобиографическом письме» (1917) он пояснял свое решение тем, что «на родине <...> не сиделось: было душно и жутко» (II, 18). Отметим, что пребывание за пределами отечества означало для поэта постоянную обращенность к России, стремление познать «Россию в ее идее» (II, 18) — и здесь установка Иванова близка позиции таких русских писателей и мыслителей XIX века, как Гоголь, Герцен, Тургенев.

¹ Бахтин М. М. Записи лекций по истории русской литературы // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2. С. 318.

² Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1971–1987. Т. 3. С. 412. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

³ См. об этом: Аверинцев С. С. 1) Единство человеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — мировая культура. Томск; М., 2003. С. 5–14; 2) «Скворешниц вольных гражданин...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001.

Существенно иной характер приняли декларации и формулировки поэта по мере того, как начали обрисовываться контуры советского тоталитарного режима. «В России жить не хочется, п<отому> что я рожден Ἐλεύθερος¹ и молчание там оставляет привкус рабства», — писал он Ф. А. Степуну 22 марта 1925 года. И далее: «Что же до России <...>, — думаю я, что и от нее должно отречься, если она окончательно самоопределится (это шире и дальше, чем большевизм и его политика) как авангард Азии, идущий разрушить Запад»².

Размышляя о проблемах гуманизма и христианских ценностей, поэт писал Э. К. Метнеру в 1930 году: «Проблема <...> христианства — *сгυχ mystica* моего проблематичного патриотизма, который нехристианскую Россию органически не приемлет и жив, лишь покуда и поскольку теплится неугасимая лампада в ней»³. Уже в 1937 году, в Риме, встречаясь с советским журналистом М. Чарным, он заявляет: «В Москву мне нет возврата... пока там рушат церкви» (журналист на это простодушно отвечает, «что может быть Вячеслав Иванович располагает не совсем точной информацией»)⁴. Неприятие Вяч. Ивановым советского режима было значительно шире, чем отрицание ленинской или сталинской практики и теории; большевизм для поэта был одним из признаков «нового варварства» XX века, того политического и прежде всего культурного провала, какого европейское человечество не знало со времен крушения Римской империи.

Условием, при котором поэту в 1924 году разрешили уехать из СССР, было воздержание от всяких выступлений публичного характера. Но поэт сам сторонился политической деятельности, которая казалась столь необходимой иным берлинским или парижским русским эмигрантам. О тех мыслях, с которыми поэт ехал в Вечный город, красноречиво говорит завершающая — во многом итоговая — фраза в первой римской дневниковой записи от 1 декабря 1924 года. «В Риме, — говорил я, уезжая из России, — хочу умереть. Amen» (III, 852). В этой формуле — многосмысленной, как почти все ивановские формулы, — не все ясно до конца. Прежде всего здесь следует усмотреть соотнесение собственной судьбы с судьбой Рима, Вечного города, имеющего особое историческое и сакральное значение для христианской Европы: приобщение к вечности. Но в формуле Вяч. Иванова звучит также некое отречение от современности, завершение эпохи или переход к новой. В Вечном городе произошло то долгожданное для Вяч. Иванова событие, которое он предчувствовал: завершился период поэтического молчания. «В Риме больше месяца душа все не могла угомониться от того особенного счастливого волнения, в какое приводит ее именно Рим, — как ангел, сходящий и возмущающий купель. Даже рифмы проснулись», — писал Иванов М. О. Гершензону 31 декабря 1924 года⁵. Через двадцать лет он так вспоминал об этом событии в стихотворении из «Римского дневника 1944 года»:

¹ Свободным (*греч.*).

² Письмо В. И. Иванова к Ф. А. Степуну от 22 марта 1925 / Публ. К. Хуфена и А. Шишкина // Символ: журнал христианской культуры. 2008. № 53–54. С. 410, 411.

³ Иванов В. И., Метнер Э. К. Переписка из двух миров / Публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 309.

⁴ Иванова Л. Вяч. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 328.

⁵ Римский Архив Вяч. Иванова. Оп. 3. Карт. 2.

С тех пор как путник у креста
Пел “De Profundis”, — и печали,
И гимнам чужды, одичали
В безлирной засухе уста.

Благословенный, вожденный
Я вновь увидел Вечный Град,
И римским водометам в лад
Взыграл родник запечатленный (III, 624).

“De Profundis” или “De Profundis amavi” здесь — название сонетного цикла, который написан летом 1920 года, когда умирала жена поэта В. К. Шварсалон. Это один из самых трагических циклов поэта, его темы — темы болезни, умирания, смертных мук, предчувствий конца. Этому циклу контрастно противопоставлен новый цикл, созданный в ноябре-декабре 1924 года в Риме и озаглавленный «Римские сонеты». В первой редакции он назывался «Ave Roma».

Италии и Риму поэт прежде посвятил немало поэтических произведений — замечателен цикл «Итальянских сонетов» в книге «Кормчие звезды» (1903). Однако цикл 1924 года занимает исключительное место в зрелом творчестве самого поэта, в произведениях о Вечном городе в различных эпохах русской литературной культуры, в русском эмигрантском мифе, да и вообще в европейском римском тексте XX века¹. Заглавие цикла имеет символический смысл. Во-первых, само это название в русской поэтической традиции представляется единственным: ни до, ни после Вяч. Иванова «Римских сонетов» не создавалось. Не исключена связь с поэтической книгой Ал. Майкова «Очерки Рима» (1847), название и жанр которой, как показывает новейшее исследование, было глубоко продуманным и парадоксальным². Словосочетание «Римские сонеты» указывает на тематику цикла, обыгрывается в его звуковой материи и определяет его жанр, в европейской литературе переживший почти семь столетий существования, диалектические и философические возможности которого открыли и разработали сицилийские и тосканские поэты, Данте и Петрарка. Необходимо сказать, что в поэтическом творчестве Вяч. Иванова сонет занимал привилегированное место свыше 250 сонетов.

Образы, символы, концепты и рифмы «Римских сонетов» складывались иной раз в течение несколько десятилетий, со времен первых путешествий поэта в Италию и в «святой Рим» в начале 1890-х годов. Так, рифма «Рим» — «пигризм», открывающая начальные опоясывающие катрены в I «Римском сонете» и повторенная в опоясывающих рифмах в терцетах в завершающем VIII сонете, была найдена уже в ранних набросках об Италии и Риме 1892 года³. В тех же

¹ См.: Лавров А. В. Итальянские заметки М. А. Волошина (1900) // Лавров А. В. Русские символы: этюды и разыскания. М., 2007. С. 289–292; Федоров Ф. П. Италия в русской поэзии второй половины XIX века // Toronto Slavic Quarterly. 2007. N 21. С. 3–13.

² См.: Федоров Ф. П. Италия в русской поэзии второй половины XIX века. С. 3–13.

³ Иванов Вяч. «Волшебная страна Italia» / Публ. Н. В. Котрелева и Л. Н. Ивановой // Русско-итальянский архив III: Вячеслав Иванов — новые материалы. Salerno, 2001. С. 20.

набросках появляется образ древнеримской арки. Он мифопоэтически осмыслен как символ всеединства. Этот центральный философский термин Вл. Соловьева приобретает у Вяч. Иванова историософское звучание. В последующих поэтических произведениях и теоретических эссе символика арки, а также образов-символов круга (радуги, дуги, купола) может обозначать порыв к горнему миру и возвращение к земле, восхождение и нисхождение, наконец, соборное единение человечества в постапокалиптической перспективе¹.

Слово «арка» начинает катрены в I римском сонете 1924 года, т. е. поставлено на особо значимое, выделенное место. Оно обозначает прежде всего реальные арки, открывающиеся путнику на Аппиевой дороге — акведуки и древнюю арку, возвышающуюся на въезде в Рим после крепостных Аврелианских ворот. Но помимо этого «реального» смысла здесь присутствует смысл высший, в терминологии Вяч. Иванова, «реальнейший». Такого рода привычная для средневекового искусства игра «реального» и иерархически надстроенных над ним нескольких «высших» смыслов (ср. «Божественную Комедию» Данте или «Троицу» Рублева) характерна для всего цикла. В первом сонете "Regina Viarum" (здесь и далее приводим названия сонетов в первой редакции) поэт предстает читателю на Аппиевой дороге, прозванной в древности «царицей путей», затем на Квиринальском холме ("Monte Cavallo"), откуда идет, минуя «улицу четырех фонтанов» ("L'acqua felice"), где неподалеку, в доме 172, поэтом была снята квартира, на Испанскую площадь к ладье-фонтану ("La Barcaccia"); оттуда следует на площадь Бернини к фонтану «Тритон» ("Il Tritone"), затем в средневековое гетто к фонтану черепах ("La Fontana delle Tartarughe"), поднимается к храму Асклепия, который отражается в озерце, на берегу которого бьют фонтаны ("Valle Giulia"), спускается к фонтану Треви ("Aqua Virgo") и наконец вновь поднимается на холм Пинчо, откуда открывается вид на Рим и купол св. Петра ("Monte Pincio"). Вполне реальная, хоть и достаточно протяженная римская прогулка рассчитана на множественность мифопоэтических прочтений. Первое из них — биографическое: завершение земных скитаний, не затерянность на путях, а обретение магистральной дороги — «Царя путей», т. е. самого Рима ("Regina Viarum"), таким образом — не только название Аппиевой дороги, но и именование Вечного города; от римских «арок» путь приводит к видному из любой городской точки Куполу (написанное заглавной буквы последнее слово в цикле) — символу всеединства и вневременного христианского универсализма. Другое прочтение, непосредственно связанное с мыслями Вяч. Иванова о судьбе России и эмиграции, осуществляется через троянский миф, иное — через вергилианский миф об основании Рима; еще одно — через «водный» дионисийский миф².

¹ *Корецкая И. В.* Ивановская метафора «арки» // *Корецкая И. В.* Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 158–162.

² *Лесур Ф.* Идея Рима и троянский миф у Вяч. Иванова // *Toronto Slavic Quarterly.* 2007. N 21. С. 4; *Топоров В. Н.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) // *Исследования по структуре текста.* М., 1987. С. 210–226; *Тахо-Годи Е.* «Остается исследовать источники воли и природу жадья»

Первоначально поэт предполагал, что девять сонетов «Ave Roma» будут началом большого цикла римских «офортов». Картины Рима, изображенные в сонетах, принадлежат разным эпохам. Перед нами Рим архаический, республиканский, средневековый, ренессансный, даже «русский» Рим середины XIX столетия, Рим А. Иванова и Гоголя. Кастор и Поллукс на площади перед Квиринальским дворцом останутся там «до скончины мира». Поэт созерцает «древние арки», о себе пишет «в мой *поздний* час», обращается к городу с «вечерним» приветствием, сам же город не ограничен пределами временных категорий и дефиниций, он — «вечный Рим». Город предстает как субъект, как живое существо: «И лестница, *переступая* зданья, <...> / Несет в лазурь двух башен остря» (III, 580). Образ «камня и воды» («Окаменев под чарами журчанья») получает неожиданный смысл в первой строке сонета IV. В Риме нередко можно увидеть фонтан, струи которого падают в украшенный барельефами мраморный античный саркофаг, служивший в античности вместилищем праха. Соединив это слово с архаическим «кладязь» («родник», «источник», «колодец»), поэт придает погребальному образу значение вековой древности, глубины, движения, жизни. Большую смысловую нагрузку несет цветовая гамма. «Золотой Рим», «*augea Roma*» — традиционный еще с античности топоним. В «Римских сонетах» доминирует золотой цвет и его оттенки — солнечный, медвяный, огнистый, огненный, а также синий, зеленый, оранжевый, красный, голубой, цвета бронзы и серебра символически обозначают сакральное пространство¹.

Примечательно, что рифмы катренов в первом сонете составляют имя города в ее русской («Рим» — строки 1, 3, 5, 7) и латинской («Roma» — строки 2, 4, 6, 8) транскрипции. То есть имя города прославляется в торжественных звучаниях рифм: враги Вечного города в прошедшие тысячелетия хотели уничтожить не только город, но и само его имя; такому «словоборчеству» варваров противопоставляется апофеоз римского имени. Выдвинутое в рифме имя города усилено оттенками гласных и согласных. Звуковой и смысловой комплексы взаимодействуют с традиционными мифопоэтическими палиндромами: и латинским «Roma» — «Амог», и русским «Рим» — «мир» («Звук не тот же ль — Рим и Мир?») — вариант стихотворения 1 марта 1944 г.). Значительным для содержания всего цикла представляется также рифма «Roma» — «дома»: в итальянском языке *domo* означает «купол», «собор», а также «небесный свод»²; кажется, что связь с словом «Купол» — последнего слова IX сонета, завершающего цикл, не случайна:

(О «Римских сонетах» Вячеслава Иванова) // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 60–70.

¹ Грек А. Г. Пространство жизни и смерти в двух циклах стихов Вячеслава Иванова // Логический анализ языка: языки пространств. М., 2000. С. 397.

² *De Mauro T. Dizionario della lingua italiana. Milano, 2000. P. 771.*

Вновь арок древних верный пилигРИМ,
В мой поздний час вечерним “Ave ROMA”
Приветствую, как свод родного доМА,
Тебя, скитаний пристань, вечный РИМ.

Мы Трою предков пламени даРИМ;
Дробятся оси колесниц меж гРОМА
И фурий мирового ипподРОМА:
Ты, царь путей, глядишь, как мы гоРИМ.

И ты пылал и восставал из пепла,
И памятливая голубизна
Твоих небес глубоких не ослепла.

И помнит в ласке золотого сна,
Твой вратарь кипарис, как Троя крепла,
Когда лежала Троя сожжена (III, 578).

Композиция сонета соответствует классической модели (завязка, тезис, поворот, антитезис, парадоксальный синтез). Его исключительно сжатое содержание доступно не с первого прочтения. Тема сонета — судьба Трои, погибшей в пожаре, сожженной безжалостным врагом, постигла Россию, еще недавно притязавшую на статус Третьего Рима. Ответственность за катастрофу возлагается не на иноплеменных врагов, а на коллективное «мы» (в 1919 г., говоря о русской революции, Вяч. Иванов признавал: «Да, сей костер мы поджигали» — IV, 81). История Вечного города — его неоднократное опустошение и восстановление из небытия — может дать отдаленную надежду и для вернувшегося в изначальный Рим русского изгнанника. Надежда эта основывается на памяти прошлого, хранимой как на небесах, так и на земле: новая Троя, основанная на берегах Тибра троянцем Энеем, первым «эмигрантом» старой Европы, — символ сохранения Прошлого и Сбывшегося, преемственности единой христианской культуры, оттого Рим и начинает новую европейскую историю. Парадоксальный синтез в сонетном ключе подчеркнут неожиданной и сильной антиномией: «Троя крепла / лежала сожжена»; здесь можно увидеть указание на идею жертвы, «жизни через смерть», личностного бессмертия¹.

Римский цикл Вяч. Иванов послал М. Горькому в Сорренто, затем в Москву М. О. Гершензону и Г. И. Чулкову. Таким образом, первыми читателями «сонетов» были Горький и гостивший у него Вл. Ходасевич. Последний 28 ноября 1924 года ответил подробным письмом. Он писал о России и эмиграции, о культурном провале и «новом варварстве» в лютом XX веке; это мнение, близкое многим идеям Вяч. Иванова, замечательно показывает трагический историософский «фон» солнечных «Римских сонетов».

1925–1926 годы во многом были поворотными для Вяч. Иванова. В марте

¹ Лесур Ф. Идея Рима и троянский миф у Вяч. Иванова. С. 4.

1926 года в соборе св. Петра в Риме он совершил акт соединения с католической церковью, произнеся «Верую» и «формулу» В. С. Соловьева из его книги «Россия и Вселенская церковь» (1889)¹. Отсутствие службы и постоянного заработка наводило поэта на мысль о возвращении в СССР. Летом 1925 года на месяц в Рим приехали Вс. Э. Мейерхольд и его жена З. Н. Райх. С Вяч. Ивановым обсуждались различные проекты для «юной СССР-ии», среди прочего — возможная постановка в Москве «Ревизора» Н. В. Гоголя. В результате поэт получил от Мейерхольдов заказ на эссе о сценическом воплощении гоголевской комедии. Эссе разрослось до исследования «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана». Статья была опубликована в мейерхольдовском «Театральном Октябре» в 1926 году с посвящением режиссеру. Однако редакция сборника сочла необходимым непосредственно на первой странице печатаемой статьи отгородиться от ее положений с позиций благоразумного марксизма. Сам Мейерхольд ни строчкой не откликнулся на статью, и это гробовое молчание режиссера-новатора в относительно «вегетерианские» 1920-е годы едва ли не более поразительно, чем его отречение от «религиозных тенденций» Вяч. Иванова в 1937 году². В августе 1926 года Вяч. Иванов подводит бесповоротный итог отношений как с Мейерхольдами, сблизившимися с Советской властью, так и с «молодой СССР-ией»: «“Молодой России”... я совсем не нужен»³.

После эпизода 1926 года свои статьи Иванов писал на итальянском, французском или немецком языках, исклЮчив для себя русскоязычную аудиторию. Решение порвать с СССР совпало с приглашением в Колледжо Борромео, находившемся в Павии, на севере Италии. Здесь с 1926 по 1934 год поэт занимал место скромного преподавателя — лектора английского, французского и немецкого языков; одновременно читал лекции по русской литературе и культуре в Павийском университете. Ренессансные стены «гостеприимного и блистательного», по словам поэта, учебного заведения защищали и дистанцировали поэта от непростой итальянской политической ситуации. Вяч. Иванов вновь оказался в привычной ему гуманистической ученой среде. В Павию, чтобы встретиться с поэтом, приезжали старые и новые друзья и единомышленники — эллинист Ф. Ф. Зелинский, германист и романист Ш. Дю Бос, философ М. Бубер, собиратель рукописей, издатель и меценат М. Бодмер, журналист Г. Штейнер, литератор герцог Т. Галларати-Скотти, социалист-революционер Р. Кюфферле. Иной раз наряду с единомышленниками оказывались и антагонисты, например влиятельный итальянский литературный критик и мыслитель Б. Кроче. Вот как увидел русского поэта итальянский писатель и видный германист Алессандро Пеллегрини: «Величественная фигура этого старца с белоснежными волосами, необыкновенная живость его разговора, во время которого он припоминал слова древних философов и голоса великих поэтов, как если бы они, дружественные

¹ Смысл акта соединения Вяч. Иванов объяснил в «Письме к Шарлю Дю Босу» (III, 418–433). См. подробнее: *Аверинцев С.* Вячеслав Иванович Иванов // Символ. 2008. № 53–54. С. 16–17; *Юдин А.* Еще раз об «обращении» Вяч. Иванова // Там же. С. 631–642.

² Вяч. Иванов в переписке с Вс. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх / Публ. Н. В. Котрелева, Ф. Мальковати // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 260.

³ Там же. С. 275.

тени, были среди нас; полнота его культуры, питаемой, с одной стороны, тысячелетней традицией, а с другой — новейшими течениями современной мысли, была из него живым ключом; <...> явная свобода в поведении, отсутствие манерности, но и постоянное достоинство в стиле держать себя — последнее напоминало мне портрет мастера в эпоху гуманизма с картин наших художников XV века»¹.

В Борромео написаны или задуманы произведения, центральные для итальянского периода Вяч. Иванова, — эссе «Анима», «Повесть о Светомире». В начале 1927 года был создан ряд лирических произведений, для автора особо значительных. Религиозная по тону баллада — о загробном мире и Тайной вечери («Собаки» — III, 553–554); шутивное и личное стихотворение — о предсуществовании («Кот-ворожей» — III, 507); другое, покаянно-исповедальное — о крушении идеи античного гуманизма («Палинодия» — III, 553), обозначило завершение одного и начало другого периода ивановской творческой биографии. Начиналось оно строками об отречении (Παλιψδία с греч. — отречение):

.....
Ужели я тебя, Эллада, разлюбил?
Но духом обнищав, твоей не знал я ласки,
И жутки стали мне души недвижной маски,
И тел надменных свет, и дум Эвклидов строй.
Когда ж, подземных флейт разымчивой игрой
В урочный час ожив, личины полой очи
Мятежною тоской неукротимой Ночи,
Как встарь, исполнились — я слышал с неба зов:
«Покинь, служитель, храм украшенный бесов».
И я бежал, и ем в предгорьях Фиваиды
Молчанья дикий мед и жесткие акриды (III, 553).

Прямая отсылка к словам: «Иоанн же... ел акриды и дикий мед» (Мк. 1: 6) в финальной строке усиливает связь с пушкинским «Пророком». Однако в «Палинодии» ситуация пушкинского «Пророка» радикальным образом трансформирована. Преображение поэта — в противоположность Пушкину — ведет к отречению от его прежнего мира, уходу в пустыню и принятию обета молчания. Конечно, многое здесь объясняется тем, что эти строки написаны в эмиграции: у поэта в эти и последующие годы немало строк об изгнании и одиночестве, скитальчестве и отщепенстве, но одновременно дана и идея их преодоления; таково, в частности, стихотворение «Земля» (1927–1928), посвященное эмигрировавшему в Югославию И. Н. Голенищеву-Кутузову. Оно знаменательно начинается словами «Повсюду гость и чуженин / И с музой века безземелен...» В «Палинодии» поэт осознавал утрату, исчезновение собственной читательской аудитории, завершение своего культурного периода и, шире, целой эпохи европейского гуманизма. Однако вернемся к теме молчания в заключении «Палино-

¹ Pellegrini A. Incontri e ritratti // Pellegrini A. Incontri in Europa. Milano, 1947. P. 48–49.

дии». Природа его также не исчерпывается «эмигрантским». В художественной системе Вяч. Иванова едва не высшее место занимал «святой безмолвия язык». Как свидетельствует биограф поэта, «духовно первее, священнее (даже языка поэтического, даже “чародейного напева”, из которого вышел стих) он почитал “темный язык”, “язык безмолвия”» (I, 214).

«Всплеском» поэтической речи, ненадолго прервавшим обет безмолвия, стал сочиненный тремя неделями после «Палинодии» сонет «Язык». «Всплеск» этот был тем более значителен, что за ним последовало полтора десятилетия почти полного лирического молчания. Сонет знаменательным образом был завершён в 90-ю годовщину смерти Пушкина, 10 февраля 1927 года. В центре произведения находится образ словесного Древа — Христа-Логоса. Христологичность сонета в окончательном варианте эксплицирована во втором катрене в мотиве лозы¹. Вообще у Вяч. Иванова архетип мирового древа присутствует в ряде поэтических произведений — «Apollini», «Selva Oscura», «Деревья», «Голоса», «У лукоморья дуб зеленый...» и др. В сонете поэт размышляет о неисчислимых возможностях языка, о его антиномической природе, о напластованиях прошлого, запечатленных в языке, и о том возможном будущем, которое самим существованием языка смутно предугадывается.

Сонет «Язык» следует интерпретировать как последний поэтический манифест Вяч. Иванова, соотносимый с такими его программными текстами, как «Красота» (1902), «Apollini» (1909) или с статьей «Наш язык» (1918)² — своеобразным завещанием мыслителя, где происходит утверждение новой поэтики, которая будет характерна для последнего периода творчества писателя. Это переход к поэтике радикального минимализма — редукции в поисках ювелирно точного выражения и в то же время — сокрытие религиозно-философского значения поэтических символов и мифологем, утаивание сети ассоциаций, при том, что их суть остается наличной в тексте; внешнее упрощение и внутреннее обогащение символического текста:

Родная речь певцу земля родная:
В ней предков неразменный клад лежит,
И нашептом дубравным ворожит
Внушенных небом песен мать земная.

Как было древле, — глубь заповедная
Зачатий ждет, и дух над ней кружит...

¹ Ср.: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь» (Ин. 15: 1). Известна греческая икона «Лоза истинная»: Христос в образе Вседержителя, окруженного лозой, в ветвях которой изображаются апостолы (а иногда еще и Богородица и Иоанн Предтеча), а Евангелие открыто на соответствующем отрывке (Ин. 15: 1).

² Некоторые близкие идеи к изложенной в сонете и статье концепции можно усмотреть в работе П. А. Флоренского «Антиномия языка» (*Флоренский П.* Соч.: В 4 т. М., 1999. Т. 3, ч. 1. С. 153). О восходящем к апостолу Иоанну логосном и софийном понимании слова, которое оформилось в первые века письменности на Руси и сохранило свою актуальность вплоть до XX века, см.: *Виролайнен М. Н.* Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007. С. 20–26, 298.

И сила недр, полна, в лозе бежит,
Словесных гроздий сладость наливная.

Прославленная, светится, звеня
С отгулом сфер, звучащих издалеча,
Стихия светом умного огня.

И вещей гимн, их свадебная встреча;
Как уголь, в алмаз замкнувший солнце дня,
Творенья духоносного предтеча (III, 567).

Характерна в этой связи эволюция названия сонета в последовательности редакций: «Λόγος, Σοφία, Ποίησις» → «Поэзия» → «Слово-Плоть» → «Слово» → «Язык»; еще в одной — «Родная речь»; снятие эпиграфа из апостола Иоанна («И Слово плоть бысть») в последней редакции; наконец, приглушенное толкование символического образа Христа-Логоса.

Вместе с тем сонет можно понимать как непосредственную реплику на тему «писатель в изгнании». Эмиграция беспочвенна — «не жизнь поэту без его живой страны»: ответ на этот тезис находится сразу в первой строке сонета. Последняя его строка обращена не к современникам, а *вперед*, в *будущее*. Глубоко не случайно последнее, семантически наиболее нагруженное, наделенное совершенно определенными богословскими ассоциациями слово в сонете — «предтеча».

В эмиграции Вяч. Иванов долго сохранял молчание, не желая принимать участие в политически маркированных изданиях. «Очень прошу Вас узнать мне адрес Вячеслава Иванова, которого хочу просить о стихах для второго номера», — писал 16 мая 1926 года редактор евразийских «Верст» кн. Д. П. Святополк-Мирский¹. Печатать стихи 1927 года в парижских «Современных записках» уговаривал поэта его близкий друг П. П. Муратов. Те же стихи захотели напечатать в Москве редакторы советской «Красной нови» — Вс. Иванов и Ф. Раскольников². После того, как И. Н. Голенищев-Кутузов в 1929 году в парижском «Союзе поэтов» сделал доклад «Лирика Вяч. Иванова», «новых стихов» просил Н. Оцуп для журнала «Числа», С. Маковский для газеты «Возрождение» и М. Цетлин вновь для «Современных записок». «Несмотря на упорные просьбы редакторов парижских эмигрантских журналов, так же, впрочем, как и своих оставшихся на родине доброжелателей, <Иванов> ни за что не хотел печатать на русском языке свои новые произведения», — отмечал И. Н. Голенищев-Кутузов³.

Однако в буквальном смысле «опубликованы» были римский и павийский цикл в советском самиздате — с согласия автора — уже в конце 1920-х годов. По столицам ходил самиздатский машинописный сборничек, озаглавленный «Ave Roma», датированный 1928 годом. Ценители поэзии и мысли Вяч. Ивано-

¹ Smith G. S. The letters of D. S.-Mirsky to P. P. Suvchinskii: 1921–1931 // Birmingham Slavonic Monographs. 1995. N 26. P. 55.

² См.: Русско-итальянский архив III. С. 276–277.

³ Голенищев-Кутузов И. Н. Достоевский и Вячеслав Иванов // Голенищев-Кутузов И. Н. От Рильке до М. А. Волошина. М., 2005. С. 194.

ва еще оставались в Советской России — достаточно назвать имена М. Волошина, О. Мандельштама, В. Бородаевского, Ю. Верховского, В. Пяста, Г. Чулкова, П. Флоренского, М. Бахтина, А. Лосева, Л. Пумпянского, В. Мануйлова. Но в СССР они сами оказались на обочине официальной литературной жизни.

Между тем, кроме созданных после приезда в Италию стихов и циклов, в «портфеле» у Вяч. Иванова находился лирический сборник «Чистилище», который он предполагал напечатать в издательстве «Скорпион» еще в 1916 году. Избегая участия в изданиях, враждебных режиму Советской России, свои поэтические произведения он предполагал публиковать в политически нейтральных русских издательствах в Германии — в «Мусагете» или «Петрополисе», во Франции — в созданном С. В. Рахманиновым «Таире». Ни «мусагетовский», ни «рахманиновский» проект не состоялся, но Вяч. Иванов тем не менее в течение последующих лет сохранял свое изолированное положение в кругу русской эмиграции, осознавая и недостатки, и в то же время особую привилегированность такого положения.

С изданием на европейских языках произведений в прозе дело обстоит совсем иначе. Решающую роль сыграло появление в Германии в журнале М. Бубера «Креатур» («Die Kreatur», 1926) «Переписки из двух углов»: книга была переведена на другие европейские языки и отмечена влиятельной критикой во Франции (1930), в Италии (1932) и Испании (1933), введя Вяч. Иванова в круг Ш. Дю Боса, Г. Марселя и других западных мыслителей; в 1932 году в Тюбингене вышла книга о Достоевском, предполагался ее перевод на французский и итальянский языки, а также выход на французском и на немецком языках монографии «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923); Е. Д. Шор, переводчик произведений Вяч. Иванова на немецкий язык, планировал издать пятитомник статей и эссе.

Наконец, очень важным стало сотрудничество поэта с независимыми изданиями: швейцарским журналом «Корона» («Corona») и немецким католическим «Хохланд» («Hochland»). Здесь были опубликованы важнейшие философские эссе Вяч. Иванова, написанные на немецком языке, — «Историософия Вергилия», «Гуманизм и религия», «Anima». Таким образом, своего читателя Вяч. Иванов стал находить преимущественно в Германии, Швейцарии, Италии, Франции. Высшей точкой его всевозрастающей на Западе известности в это десятилетие стал выход в свет специального номера миланского литературного журнала «Конвеньо» (Il Convegno. Rivista di letteratura e di arte, 1934), где объединились представители христианской гуманитарной науки — французский философ Г. Марсель, немецкий теоретик и историк литературы Э. Р. Курциус, австрийско-швейцарский писатель и издатель Г. Штейнер — и русские эмигранты, нашедшие применение своим знаниям и квалификации в западноевропейских странах, — философ и писатель Ф. Степун, исследователь античности Ф. Зелинский, медиевист Н. Оттокар, историк русской философии Л. Ганчиков — цвет космополитической «старой» Европы. «Это общеевропейское чествование Вячеслава Иванова является редчайшим и необычайным парадоксом в истории литературы», — отмечал И. Н. Голенищев-Кутузов¹. В «Конвеньо» в переводе

¹ Голенищев-Кутузов И. Н. Достоевский и Вяч. Иванов. С. 193.

на итальянский были помещены также некоторые произведения Вяч. Иванова, в том числе его стихотворения. Подобного рода отдельное издание, посвященное изгнаннику из СССР, в европейской стране в 1930-е годы было, пожалуй, беспрецедентным.

К «русским» проектам Вяч. Иванов вернулся в середине 1930-х годов, когда его разрыв с Советской Россией стал окончательным. В 1936 году завязались серьезные контакты с редакторами журнала «Современные записки» — В. В. Рудневым и И. И. Фондаминским. На страницах «Современных записок» стали регулярно появляться прозаические и поэтические произведения Вяч. Иванова — и прежде всего римский и павийский циклы. Среди отзывов на публикации поэта в журнале следует выделить пронзительное выступление В. Ходасевича: «Не придется отрицать и то, что на фоне новейшей нашей поэзии творчество Вячеслава Иванова звучит несколько архаически. Однако было бы напрасным и вредным самообольщением думать, что это оттого, что мысли Вячеслава Иванова отстали от мыслей современной поэзии нашей. Вячеслав Иванов архаичен не потому, что устарели его мысли, а потому, что самая наличность мыслей в поэзии, к несчастью, сделалась архаизмом. Сладкозвучнейшие из наших поэтов не глубокомысленны»¹. В январе 1937 года поэт выслал В. В. Рудневу машинописный поэтический сборник. Руднев обязался подготовить отдельным изданием одну или несколько книг Вяч. Иванова. В 1939 году была издана поэма-мелопея «Человек». Осуществлению дальнейших планов помешала гибель независимого русского книгоиздательства в оккупированной нацистами Франции.

Оставив за выслугой лет Борромео в 1935 году, поэт переживал «год великой разрухи и безвременья, туги и неустройства»². Весной 1935 года Иванов был избран профессором Флорентийского университета, но избрание не было подтверждено министерством по той причине, что поэт не был членом фашистской партии. Тогда в знак солидарности с поэтом и фронды по отношению к режиму Королевская Итальянская академия присудила поэту премию за его деятельность мыслителя и писателя. В начале 1936 года он получил предложение преподавать в ватиканском колледже (семинарии) «Руссикум» и Папском Восточном институте. Когда зашла речь о том, чтобы создать для Иванова постоянное профессорское место, то одним из главных аргументов была обозначена необходимость помочь 71-летнему поэту завершить «Повесть о Светомире царевиче», своеобразное «духовное завещание», как сам поэт определил замысел произведения.

В «Руссикуме» и Восточном институте Вяч. Иванов преподавал церковнославянский язык, а также читал небольшие курсы по русской литературе, в частности, в 1939–1940 годах — лекции о Достоевском. Его ученики (философ А. Веттер, филолог А. Стричек, священник Р. де Калюве) на всю жизнь сохранили память о нем. С конца 1930-х годов поэт был привлечен к проекту

¹ Возрождение. 1936. 25 дек. № 4058.

² См. письмо Вяч. Иванова к Голенищеву-Кутузову от 20 августа 1935 г. (*Голенищев-Кутузов И. Благодарю, за всё благодарю. Пиза; Томск; М., 2004. С. 267*).

подготовки комментированных изданий: «Деяния св. Апостолов. Послания св. Апостолов. Откровение» (Рим, 1946) и «Псалтирь на славянском и русском языках» (Рим, 1950). Оба они были выпущены без имени Вяч. Иванова в выходящих данных.

Трагические события, происходившие в Европе, не могли не коснуться Вяч. Иванова. Фашистская Италия, установив союз с гитлеровской Германией, стремилась к мировому вооруженному конфликту. Ватикан, его университеты и институты на территории Рима пользовались правом экстерриториальности, были юридически и действительно независимы. Восточный институт и «Руссикум» были исследовательскими академическими центрами и учебными заведениями для изучения восточнохристианской, славянской и русской церковной истории, литургии, богословия и философии; в его стенах в 1930-е годы писались диссертации о В. С. Соловьеве, Л. П. Карсавине, С. Н. Булгакове, Н. А. Бердяеве, Г. В. Флоровском и А. С. Хомякове. Став полноправным членом ученой космополитической корпорации, Вяч. Иванов в последнее десятилетие своей жизни оказался отчасти огражден от страшных событий, в которые вверг Италию режим Муссолини. После государственного переворота в Италии летом 1943 года, в начале 1944 года войска гитлеровской Германии оккупировали Рим. Вечному городу предстояло пережить самый тяжелый и драматический год в XX веке.

В это трагическое время создавалась последняя поэтическая книга Вяч. Иванова «Римский дневник 1944 года». Хронотоп «Римский дневник 1944 года» в ивановской поэтике содержит в себе парадокс и антиномичность, ибо конкретная временная локализация применена к образу, который по своему определению является вечным. Но по композиции эта поэтическая книга — всего 116 стихотворений — написана именно как «дневник»: первое из стихотворений помечено 1 января, последнее — 31 декабря.

«Римский дневник 1944 года» начинался стихами о праздниках Крещения и Богоявления. В одном из первых стихотворений (от 8 января) Вяч. Иванов рассказал о дороманской базилике каппадокийского святого Саввы Освященного, своей приходской церкви на вершине Авентинского холма, на которую выходили окна его дома. Саму базилику VI века, ее взятые из языческих храмов колонны, древние фрески, изображающие Христа в виде агнца, Вяч. Иванов видит как онтологический символ почти двухтысячелетней христианской истории. В стихотворении описывается латинская литургия в базилике св. Саввы в праздник Сретения; поэту утопически видится за пределом времен соединение православной и католической церкви; завершается же оно на автоиронической ноте и на каламбурной балаганной рифме «лапы / папы»:

Пред святыней инославной
Сердце гордое смирилось,
Церкви целой, полнославной
Предвареньем озарилось...

То не гул волны хвалынской, —
Слышу гам: «Попал ты в лапы
Лестной ереси латынской,
В невода святого папы»¹.

События современности и былого поэт созерцает из Рима, изначального истока великой цивилизации («откуда все пошло») и одновременно центра («куда все стремится»). Рим в «Дневнике» — не только и не просто «точка зрения автора», Рим — «вечный» город для поэта в том смысле, что он «средоточие вселенной» (III, 616). Посмотрим, как в «Дневнике» это римское «вселенское» соединяется с русским «родным» в стихотворении от 3–5 августа, написанном на десятилетие кончины Андрея Белого. Как и ряд других, оно построено по принципу «отзвучий»: в эпиграф или в начало поэтического текста введен завершенный мифопоэтический фрагмент, отсылающий к далекому «собеседнику», с которым затем разворачивается диалог; таковы стихотворения, посвященные А. Блоку, св. Иоанну Креста², Августину. В «Дневнике» таким мифопоэтическим фрагментом оказалось известное стихотворение Андрея Белого «Золотому блеску верил / А умер от солнечных стрел»; эта «эпитафия себе» инициировала в русской эмиграции целую традицию³.

Образы стихотворения полисемантически; помимо литургического значения здесь можно увидеть отсылки к образцам и символам поэзии А. Белого, в частности к образу пепла и стихии огня. Само *имя* Белого как бы растворено в тексте: анаграмматически оно присутствует во второй строфе, тематически — в бело-лазурно-золотой цветовой гамме всего стихотворения. Беловский миф «возвращения/преображения/воскрешения» получает, таким образом, новое значение в римском церковном празднике Божией Матери Снежной. Ею оправдан и спасен пепел сгоревшего мира, в символистском контексте стихотворения — сам поэт, его мир и судьба.

«Римский дневник» стал седьмой, завершающей книгой в последнем лирическом сборнике, который Вяч. Иванов готовил на протяжении последних 35 лет жизни. Он был опубликован уже посмертно, в 1962 году в Оксфорде. Название его — «Свет вечерний», источник — молитва мученика Афиногена «Свете тихий» (I, 207) — нагружено не менее значительным и высоким смыслом, чем название первых ивановских поэтических сборников (таких, как «Кормчие звезды» или «Cor Ardens»). В эти три десятилетия название сборника не раз менялось: «Арион» (середина 1910-х годов) → «Чистилище» (1910–1930-е гг.) → «Рай затворенный» (1937–1946) → «Свет вечерний» (1946). Одна из главных тем как «Дневника», так и «Света вечернего» — тема возвратного пути, пути-кольца.

¹ Ср. различные интерпретации этого текста: *Бёрд Р.* Обряд и миф в поздней лирике Вяч. Иванова // Вяч. Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М., 2003. С. 179–191; *Шишкин А. Б.* «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле В. Соловьева и Вяч. Иванова // Там же. С. 165–167.

² См.: *Багно В. Е.* Вяч. Иванов и Сан Хуан де ла Крус // Вяч. Иванов — Петербург — мировая культура. С. 52–60.

³ См.: *Спивак М. Л.* Стихотворение Андрея Белого «Друзьям» («Золотому блеску верил...») и миф о поэте-пророке // Антропология культуры. М., 2005. Вып. 3. С. 267–289.

Сборник «Свет вечерний» вобрал в себя основные темы и мотивы всего творчества поэта и в силу этого приобрел значение книги во многом итоговой. Поэтому такую большую роль играют здесь тема памяти и тема судьбы. Тема памяти реализуется как платоновская: это и память предвечная с ее «элизиумом теней» («Мемнон», «Деревья»), и память *филия* в стихотворениях «Возврат» (И. М. Гревсу), «Другу гуманисту» (Ф. Ф. Зелинскому), «Сверстнику» (Е. В. Аничкову), «Воспоминание о А. Скрябине», «Умер Блок». Многие стихотворения сборника не просто перекликаются с другими произведениями поэта, но являются своеобразными «претекстами» (как стихотворения «Психея-скиталица» и «Психея-мстительница» для эссе «Анима»). Все это свидетельствует о том, что лирика Вяч. Иванова являлась той творческой лабораторией, где возникали замыслы произведений различных жанров, имеющих синкретическую природу: от лирических эссе на эстетическую или религиозно-философскую тему или статей-«исповеданий» до уникальных лиро-эпических и эпических жанров, какими являются поэма-мелопея «Человек» и «Повесть о Светомире царевиче».

Содержание

От редколлегии	3
Раздел I. ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (1920–1940) КАК ТИП САМОПОЗНАНИЯ	9
Литература «первой волны» в культурно-историческом аспекте (<i>М. О. Рубинс</i>).....	9
Литературная критика и публицистика (<i>К. А. Барит</i>).....	43
Литературоведение русского зарубежья (<i>А. Д. Степанов</i>).....	88
Мемуарная и автодокументальная проза (<i>О. Р. Демидова</i>)	113
Раздел II. РЕАЛИЗМ И «НЕОРЕАЛИЗМ»	135
Иван Алексеевич Бунин (Ч. 1 — <i>Т. М. Двинятина</i> , Ч. 2 — <i>Е. Б. Смольянинова</i>)...	135
Александр Иванович Куприн (<i>Е. Б. Смольянинова</i>)	189
Борис Константинович Зайцев (Ч. 1 — <i>Л. А. Иезуитова</i> , Ч. 2 — <i>О. Р. Демидова</i>).....	208
Иван Сергеевич Шмелёв (<i>Н. А. Герчикова</i> , <i>Е. А. Ухина</i>)	224
Федор Августович Степун (<i>К. Г. Исупов</i>)	249
Судьба сатириков (<i>Н. А. Карпов</i>)	272
Михаил Андреевич Осоргин (<i>И. Н. Сухих</i>).....	298
Марк Александрович Алданов (<i>Н. А. Карпов</i>)	321
Раздел III. СИМВОЛИЗМ	344
Дмитрий Сергеевич Мережковский (<i>А. В. Лавров</i>).....	344
Зинаида Николаевна Гиппиус (<i>М. М. Павлова</i>).....	365
Алексей Михайлович Ремизов (<i>А. М. Грачева</i>).....	396
Вячеслав Иванович Ива́нов (Ч. 1 — <i>А. Б. Шишкин</i> , Ч. 2 — <i>С. Д. Титаренко</i>)	413
Константин Дмитриевич Бальмонт (<i>С. Д. Титаренко</i>).....	454
Раздел IV. ПОСТСИМВОЛИЗМ	478
Марина Ивановна Цветаева (<i>Е. В. Хворостьянова</i>).....	478
Георгий Владимирович Ива́нов (<i>А. Ю. Арьев</i>)	499
Георгий Викторович Адамович (<i>О. Р. Демидова</i>)	530
Владислав Фелицианович Ходасевич (<i>Ю. М. Валиева</i>).....	543
Раздел V. ЛИТЕРАТУРА «МЛАДШЕГО» ПОКОЛЕНИЯ ЭМИГРАЦИИ	573
Владимир Владимирович Набоков (<i>Б. В. Аверин</i> , <i>М. Н. Виролайнен</i>)	573
Гайтó (Георгий Иванович) Газданов (<i>М. О. Рубинс</i>).....	632
Борис Юлианович Поплавский (<i>Д. В. Токарев</i>).....	660
Проза «младшего» поколения (<i>М. О. Рубинс</i>)	701
Поэзия «младшего» поколения (<i>Ю. В. Зобнин</i>).....	739
Поэзия пражского «Скита поэтов» (<i>О. М. Малевич</i>).....	792
Вместо послесловия. Русская литература в изгнании: часть или целое? (<i>И. Н. Сухих</i>).....	808
Рекомендуемая литература (<i>М. А. Орлова</i>)	811
Именной указатель (<i>М. А. Орлова</i>)	826